

*Дональд Рейфилд
Лондон, Великобритания*

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

В этом выпуске впервые на русском языке представлено предисловие Дональда Рейфилда к первому тому «Колымских рассказов» Варлама Шаламова.

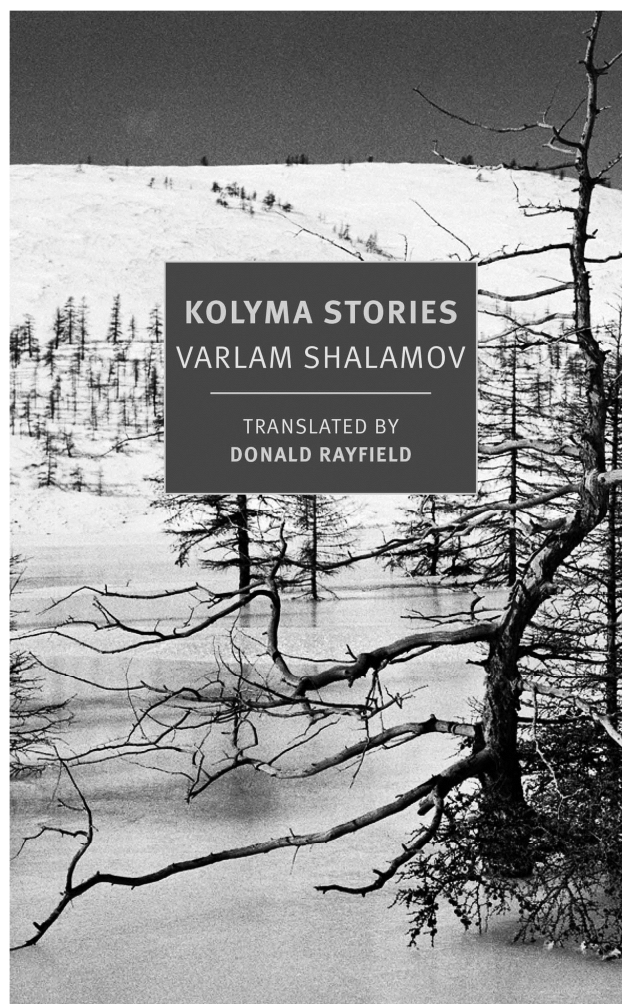
«Колымские рассказы», Варлам Шаламов, перевод, Дональд Рейфилд.

Варлам Шаламов (1907–1982) был одним из многих, переживших пятнадцать лет страшнейшего сталинского ГУЛАГа. Он отдал шесть¹ лет рабскому труду на золотых приисках Колымы, самого холодного и негостеприимного места на земле, прежде чем стал фельдшером в исправительно-трудовом лагере, где условия его жизни чуть улучшились. Несколько прозаических произведений и стихотворений были написаны им до заключения, но семь томов его прозы, поэзии и драмы относятся к периоду с 1953 г. (после смерти Сталина) до конца 1970-х, когда пошла на спад физические и умственные возможности писателя.

В двух томах собраны и переведены шесть книг рассказов – по три книги в каждом томе: большинство рассказов – о колымском периоде, несколько – о раннем периоде с 1929 по 1931 гг. «исправительных работ» в лагерях на северном Урале, пара рассказов – о воспоминаниях юности в Вологде. Грань между автобиографией и беллетристикой зыбка: фактически Шаламов был участником или свидетелем всего описанного в рассказах. В его произведениях много подлинных имен заключенных и их притеснителей. Сам он появляется просто как «я» или «Шаламов», иногда под псевдонимами, такими как Андреев или Крист. Таким образом, чтение этих рассказов знакомит нас с биографией первых пятидесяти лет его жизни.

Варлам Шаламов родился в Вологде, северном городе, бывшем местом политических ссылок со времен средневековья. В детстве Шаламов² вполне мог пересечься со своим заклятым врагом Иосифом Сталиным, регулярно (в 1911–1912 гг.) совершавшим прогулки из своей вологодской квартиры в главную городскую библиотеку. Шаламов, сын священника, был пропитан религиозной образностью и языком богослужения (как и Антон Чехов), но с раннего возраста отвергал всякую веру. Он унаследовал от отца (выдающегося человека, бывшего миссионером на Алеутских островах, симпатизировавшего политическому либерализму, проповедовавшего терпимость к другим религиям, но угнетавшего свою семью) непримиримое упрямство и противодействие власти. Отец Шаламова, отказавшись от простой операции,

полностью потерял зрение. Он не позволил сыну сделать ринопластику, из-за чего тот потерял обоняние, и, возможно, это способствовало развитию болезни Меньера, преследовавшей Шаламова в старости.

Вологда была местом ужасающих зверств во время Гражданской войны в России, особенно в 1918 г., когда психически неуравновешенный Михаил Кедров расстреливал гражданских заложников, в том числе учителя химии Шаламова. Тем не менее, Шаламов поддерживал революцию, особенно троцкистские фракции, даже несмотря на то, что коммунисты ли-

¹ Так в оригинале. Здесь и далее примечания Л. Егоровой.

² В. Шаламову в то время 4 года.

шали его как сына священника возможности получить высшее образование. Родители писателя, изгнанные с церковного подворья, жили в крайней бедности (см. рассказ «Крест»), и случайные заработки Шаламова были слишком малы, чтобы облегчить положение. Работая на кожевенном заводе, он параллельно получал высокие отметки по математике и физике, что позволило ему, в конце концов, быть зачисленным в Московский университет для изучения советского права, но однокурсник обвинил Шаламова в «сокрытии социального происхождения», и тот был исключен. Затем он зарабатывал на жизнь журналистикой и впервые был арестован за участие в студенческом движении, выдвигавшем требование (как и многие троцкисты) публикации «завещания Ленина», документа, в котором Сталин был назван слишком грубым и властолюбивым, чтобы быть назначенным на пост генерального секретаря партии.

Шаламов провел три года на строительстве химкомбината в условиях, которые могли показаться терпимыми только по сравнению с Колымой. В 1931 г. он был освобожден против воли ОГПУ, как тогда называлась тайная полиция, но смог жить и работать в Москве без притеснений. В 1934 г. он женился на Галине Гудзь; в 1935 г. родилась дочь Елена. Брат Галины Борис Гудзь, агент ОГПУ, пришел в ужас от этой связи. Он настаивал на том, чтобы Шаламов написал отречение от троцкистского прошлого в тайную полицию – НКВД (Народный комиссариат внутренних дел). Результат оказался плачевным: Шаламов был арестован и приговорен к первоначальному пятилетнему сроку заключения на Колыму за контрреволюционную троцкистскую деятельность, как раз в то время, когда «Большой террор» контролировал, чтобы большинство «троцкистов» были расстреляны. (Семья Гудзь не избежала репрессий: жена и дочь Шаламова были сосланы в Туркменистан, Борис Гудзь был уволен из тайной полиции и стал водителем автобуса, а его старшая сестра Александра тоже была репрессирована.)

В прозе Шаламов избегал каких-либо упоминаний о своих семейных проблемах. Колымские воспоминания и чудо его выживания наглядно запечатлены в рассказах. Биографию Шаламова после освобождения и «реабилитации» (признания властями его невиновности и выплаты двухмесячного жалования) приходится восстанавливать по записям разговоров и многочисленным сохранившимся письмам. Вскоре его брак распался. Дочь, выросшая убежденной сталинисткой, знать о нем не хотела, предпочитая считать его умершим или преступником. Через два года Шаламов женился на Ольге Неклюдовой. Брак существовал до 1966 г., но не был счастливым. Шаламов, как и многие бывшие узники ГУЛАГа, придерживался правила как можно меньше говорить и не общаться в присутствии третьего лица, которое могло быть осведомителем; в любом случае, как и его отец, он был сторонником патриархального взгляда на женщин³.

³ Сохраняем структуру этого предложения в соответствии с оригиналом: «Shalomov, like many Gulag prisoners, stuck to the principal of speaking as little as possible, and never when a third person (who might

Шаламов поначалу возлагал большие надежды на литературную карьеру. Борис Пастернак очень хвалил его поэтический талант, и Александр Солженицын своим произведением «Один день Ивана Денисовича» показал, что писать о лагерях возможно. Но Пастернак, преследуемый советской властью за публикацию за границей романа «Доктор Живаго», умер в 1960 г., и стало ясно, что Солженицына могли публиковать (и то всего несколько лет) только потому, что он завоевал расположение Никиты Хрущева, лидера партии того времени, и Александра Твардовского, редактора влиятельного журнала «Новый мир». Первоначальное преклонение⁴ Шаламова перед Солженицыным было встречено дружеским откликом, даже приглашением участвовать в работе над произведением «Архипелаг ГУЛАГ». Но, как случилось почти со всеми знакомствами Шаламова, отношения быстро испортились: Шаламов явно не одобрял приверженности Солженицына к некоторым христианским идеалам и ценностям XIX века и этическим нормам советского общества, в частности, к вере в искупительную силу физического труда. В то время как Солженицын перешел от рассказов к огромным романам, Шаламов не одобрял их как усложненные структуры, искажающие материал. (Его мемуары об исправительных работах на Урале называются «Вишера: антироман».) Шаламов дистанцировался от других выживших в ГУЛАГе, таких как Евгений Гинзбург, обвиняя их в излишнем снисхождении к преступникам, причинившим им страдания. Шаламов изначально был близок с Надеждой Мандельштам, вдовой Осипа Мандельштама (он посвятил два своих лучших рассказа ей и поэту), но их разошлась ее роль «предводительницы»⁵, окруженной поклонниками и диссидентами.

Несмотря на эту изоляцию и пристальное внимание КГБ, Шаламову удалось издать четыре⁶ книги стихотворений. В то время как его поэзия, сильно напоминавшая по приемам и тематике символистов дореволюционной России, не вызывала официального антагонизма, публикация его рассказов в СССР оказалась невозможной, за исключением одного единственного – наименее скандального рассказа «Стланик», изданного в 1965 г. Однако даже из-за него редакция журнала «Сельская молодежь» была распущена. В 1968 г. сначала отдельные рассказы, а затем и вся первая книга «Колымские рассказы» просочилась на Запад; при участии Шаламова или против его воли – трудно сказать. Произведения были опубликованы сначала в эмигрантских русских журналах, а затем на немецком и французском языках под фамилией Шаланов. Шаламов выражал протест в частном порядке (хотя просил экземпляры и оплату), а затем, видимо, действуя по принуждению, – публично в официальной «Литературной газете». За осуждение «антисоветских» эмигрантских и западных издателей он был вознагражден поздним приемом в Союз писателей, без членства в котором ни один советский литератор не мог заработать себе на жизнь.

be an informant) was present; in any case, like his father, he took a patriarchal view of women.

⁴ «Shalomov's initial idolization...»

⁵ «...her role as queen bee» – роль пчелиной матки.

⁶ В действительности – 5 книг.

В конце 1960-х Шаламов подружился с Ириной Сиротинской, которая сдала на хранение его рукописи в Российский государственный архив литературы и искусства. Сиротинская подробно рассказала об отношениях, основанных на взаимной привязанности и уважении. Конечно, без вмешательства Сиротинской творчество Шаламова могла бы постигнуть та же участь уничтожения, что и других писателей-диссидентов. Более скептически настроенные друзья Шаламова, особенно те, которые были диссидентами и/или заключенными, сомневались в этой дружбе: все государственные архивисты в СССР были подчинены КГБ, и передача произведений писателя в архив при его жизни могла рассматриваться и как конфискация, и как сохранение. Работая в советских архивах, я обнаружил, что были архивисты, которые несмотря на их «допуск к секретной информации», были искренне преданы литературе, доступ к которой они контролировали. Нет никаких сомнений, что Сиротинская сыграла главную роль, помогая Шаламову, как минимум, в издании его стихов.

В конце 1970-х Шаламов, бездомный и с нарастающими проблемами со здоровьем, отправился в дом для престарелых. Условия там были поистине ужасные – как ни странно, такие же, как в худших учреждениях ГУЛАГа. Друзья, в том числе внучка одного из заключенных профессоров, обучившего Шаламова фельдшерскому делу на Колыме, нашли его. Они получили возможность немного облегчить его состояние, но им мешало внимание КГБ и равнодушие «медицинского» персонала. К тому времени Сиротинская, замужняя женщина, считавшая, что ее отношения с Шаламовым должны быть подчинены интересам ее семьи, казалась, отдалась от писателя. В январе 1982 г. психиатрическая комиссия диагностировала у Шаламова глухоту, нарушение координации движений и страх перед незнакомыми как деменцию, и его перевели – почти раздетым, в мороз – в «психоневрологический интернат», куда посетители практически не допускались. Через несколько дней он умер от воспаления легких. В своих мемуарах Сиротинская утверждает, что навещала его незадолго до смерти и он продиктовал ей текст нескольких стихотворений. Шаламов также написал завещание, в котором назвал ее своей наследницей и посвятил ей два сборника неопубликованных рассказов. Подлинность этих последних намерений оспаривалась диссидентским окружением Шаламова, в частности Сергеем Григорьянцем. Опять же, поскольку Шаламов не любил говорить в присутствии третьих лиц (старая лагерная привычка), никакие сообщения о его разговорах не могут быть подтверждены.

На том основании, что Шаламов, как сын священнослужителя, был крещен, друзья и представители советской литературы организовали похороны и погребение по церковному обряду.

После того как идеология перестройки упрочилась в 1988–89 гг., Сиротинская подготовила рукописи Шаламова (у него был каллиграфический почерк⁷, поэтому проблем с расшифровкой не возникало) и организовала их публикацию. Редактирования, одна-

ко, не проводилось, и читатели заметят, что в более поздних книгах темы, события, персонажи иногда повторяются, даже есть противоречия и сходства в именах разных героев. Тем не менее, неумолимая сила этих произведений, в которых автор отказывается смягчать или сглаживать что-либо, в том числе свои собственные заблуждения, и которые демонстрируют выдающуюся память (визуальную и вербальную), делает их уникальными свидетельствами ужасов XX века, будь они нацистскими или советскими. Несмотря на отдельные случаи проявления доброты, с которыми он сталкивался в ГУЛАГе, нет ни утешения, ни веры в Божий промысел или человечность. Только животные ведут себя великодушно: медведь и снегирь, отвлекаявшие внимание охотника, чтобы их сородичи могли спастись; лайка, доверявшая заключенным и рычавшая на охранников; кошка, помогавшая пленнику ловить рыбу.

Помимо того, что рассказы Шаламова обладают художественной силой, они являются шокирующим свидетельством. Так, например, по американскому ленд-лизу с 1942 по 1945 гг. на Колыму посылались бульдозеры для массовых захоронений, грузовики для перевозки золотой руды, лопаты и кирки для каторжников, еда и одежда для охраны. Как выразился один из отбывавших срок с Шаламовым, Колыма была «Освенцимом без печей».

В каком-то смысле Шаламова можно было бы обвинить в сопричастности: он сам восхищается красными героями Гражданской войны, учинявшими столь же безжалостные акты жестокости, как и их сталинские преемники. «Золотая медаль» – один из самых длинных его рассказов, почти превозносящих социал-революционерку, террористку Надю Климову⁸. После всего пережитого Шаламов никогда не отрекался от революционеров-убийц, если те были преданы идеалам и готовы заплатить за них собственной жизнью. Хотя Шаламов заявлял, что никогда не займет должность, на которой будет сотрудничать с системой принудительного труда, став фельдшером, он, как вспоминает в рассказе «Вечная мерзлота», берет на себя ответственность за самоубийство молодого человека, которому не разрешил продолжать мыть полы в лазарете – отправил обратно на каторжный труд в шахты.

Шаламов утверждал, что ничему не научился на Колыме, кроме как катать грузеную тачку. Но одно из тезисных сочинений, датированное 1961 г., говорит нам гораздо больше:

ЧТО Я ВИДЕЛ И ПОНЯЛ В ЛАГЕРЕ⁹

1. Чрезвычайную хрупкость человеческой культуры, цивилизации. Человек становился зверем через три недели – при тяжелой работе, холоде, голоде и побоях.

2. Главное средство растления души – холод, в среднеазиатских лагерях, наверное, люди держались дольше – там было теплее.

⁸ В реальности и в рассказе Шаламова – не Надя, а Наталья – Наталья Сергеевна Климова.

⁹ У Шаламова – 46 положений (см. [https://shalamov.ru/library/29/]). Рейфилд выпустил пункт 5 (5. *Понял разницу между тюрьмой, укрепляющей характер, и лагерем, растлевающим человеческую душу*), и у него получилось 45 положений.

⁷ С течением лет почерк Шаламова становился все менее разборчивым.

3. Понял, что дружба, товарищество никогда не зарождается в трудных, по-настоящему трудных – со ставкой жизни – условиях. Дружба зарождается в условиях трудных, но возможных (в больнице, а не в забое).

4. Понял, что человек позднее всего хранит чувство злобы. Мяса на голодном человеке хватает только на злобу – к остальному он равнодушен.

5. Понял, что сталинские «победы» были одержаны потому, что он убивал невинных людей – организация, в десять раз меньшая по численности, но организация смела бы Сталина в два дня.

6. Понял, что человек стал человеком потому, что он физически крепче, цепче любого животного – никакая лошадь не выдерживает работы на Крайнем Севере.

7. Увидел, что единственная группа людей, которая держалась хоть чуть-чуть по-человечески в голоде и надругательствах, – это религиозники – сектанты – почти все и большая часть попов.

8. Легче всего, первыми разлагаются партийные работники, военные.

9. Увидел, каким веским аргументом для интеллигента бывает обыкновенная плюха.

10. Что народ различает начальников по силе их удара, азарту битья.

11. Побой как аргумент почти неотразимы (метод № 3). *(Примечание переводчика: например, пытка.)*

12. Узнал правду о подготовке таинственных процессов от мастеров сих дел.

13. Понял, почему в тюрьме узнают политические новости (арест и т. д.) раньше, чем на воле.

14. Узнал, что тюремная (и лагерная) «параша» никогда не бывает «парашей».

15. Понял, что можно жить злобой.

16. Понял, что можно жить равнодушием.

17. Понял, почему человек живет не надеждами – надежд никаких не бывает, не волей – какая там воля, а инстинктом, чувством самосохранения – тем же началом, что и дерево, камень, животное.

18. Горжусь, что решил в самом начале, еще в 1937 году, что никогда не буду бригадиром, если моя воля может привести к смерти другого человека – если моя воля должна служить начальству, угнетая других людей – таких же арестантов, как я.

19. И физические и духовные силы мои оказались крепче, чем я думал, – в этой великой пробе, и я горжусь, что никого не продал, никого не послал на смерть, на срок, ни на кого не написал доноса.

20. Горжусь, что ни одного заявления до 1955 года не писал. *(Примечание переводчика: дата заявления на реабилитацию Шаламова.)*

21. Видел на месте так называемую «амнистию Берия» – было чего посмотреть.

22. Видел, что женщины порядочнее, самоотверженнее мужчин – на Колыме нет случаев, чтобы муж приехал за женой. А жены приезжали, многие (Файна Рабинович, жена Кривошея). *(Примечание переводчика: см. рассказ «Зеленый прокурор».)*

23. Видел удивительные северные семьи (вольнонаемных и бывших заключенных) с письмами «законным мужьям и женам» и т. д.

24. Видел «первых Рокфеллеров», подпольных миллионеров, слушал их исповеди.

25. Видел каторжников, а также многочисленные «контингента «Д», «Б» и т. п., «Берлаг».

26. Понял, что можно добиться очень многого – больницы, перевода, – но рисковать жизнью – побои, карцерный лед.

27. Видел ледяной карцер, вырубленный в скале, и сам в нем провел одну ночь.

28. Страсть власти, свободного убийства велика – от больших людей до рядовых оперативников – с винтовкой (Серошапка и ему подобные). *(Примечание переводчика: см. рассказ «Ягоды».)*

29. Неудержимую склонность русского человека к доносу, к жалобе.

30. Узнал, что мир надо делить не на хороших и плохих людей, а на трусов и не трусов. 95% трусов при слабой угрозе способны на всякие подлости, смертельные подлости.

31. Убежден, что лагерь – весь – отрицательная школа, даже час провести в нем нельзя – это час растления. Никому никогда ничего положительного лагерь не дал и не мог дать. На всех – заключенных и вольнонаемных – лагерь действует растлевающе.

32. В каждой области были свои лагеря, на каждой стройке. Миллионы, десятки миллионов заключенных.

33. Репрессии касались не только верха, а любого слоя общества – в любой деревне, на любом заводе, в любой семье были или родственники, или знакомые репрессированы.

34. Лучшим временем своей жизни считаю месяцы, проведенные в камере Бутырской тюрьмы, где мне удавалось крепить дух слабых и где все говорили свободно.

35. Научился «планировать» жизнь на день вперед, не больше.

36. Понял, что воры – не люди.

37. Что в лагере никаких преступников нет, что там сидят люди, которые были рядом с тобой (и завтра будут), которые пойманы за чертой, а не те, что преступили черту закона.

38. Понял, какая страшная вещь – самолюбие мальчика, юноши: лучше украсть, чем попросить. Похвальба и это чувство бросают мальчиков на дно.

39. Женщины в моей жизни не играли большой роли – лагерь тому причиной.

40. Что знание людей – бесполезно, ибо своего поведения в отношении любого мерзавца я изменить не могу.

41. Последние в рядах, которых все ненавидят – и конвоиры, и товарищи, – отстающих, больных, слабых, тех, которые не могут бежать на морозе.

42. Я понял, что такое власть и что такое человек с ружьем.

43. Что масштабы смещены и это самое характерное для лагеря.

44. Что перейти из состояния заключенного в состояние вольного очень трудно, почти невозможно без длительной амортизации.

45. Что писатель должен быть иностранцем – в вопросах, которые он описывает, а если он будет хорошо знать материал – он будет писать так, что его никто не поймет.

Только в 2013 г. в России появилось достаточно полное собрание сочинений Шаламова (в семи томах). За границей писатель получил наибольшую известность в Германии, где были опубликованы четыре из шести его книг, переведенных для этого и следующего тома. Первый заслуживающий доверия английский перевод подборки колымских рассказов вышел в 1980 г. – «Kolyma Tales» в переводе Джона Глэда. В 1994 г. к «Колымским рассказам» добавилось еще несколько рассказов из более поздних книг. Настоящий том и последующий за ним увеличат более чем вдвое число произведений Шаламова, доступных на английском языке. К сожалению, на английском до сих пор нет биографии Шаламова и исследований его творчества. Тем, кто владеет немецким, понравится труд Вильфрида Ф. Шёллера «Жить или писать. Рассказчик Варлам Шаламов». (*Wilfried F. Schoeller. Leben oder Schreiben: Der Erzähler Warmam Schalamow. Berlin: Matthes & Seitz, 2013*).

С одной стороны, переводить Шаламова не трудно¹⁰. Он избегает стилистических эффектов: большинство рассказов написаны намеренно «грубо», без боязни повторить одно и то же прилагательное, с минимумом метафор. Однако один аспект должен поставить переводчика в тупик – это язык, *феня* или *блатной язык*, язык бандитов, потомственных и профессиональных воров и убийц, которые делали жизнь политических заключенных адской. *Феня* – диалект, который опирается на одесский идиш, на различные славянские и даже тюркские языки, и он не менялся на протяжении двухсот лет. Однако криминальный жаргон в английском языке изменяется каждое десятилетие и различается в каждом городе. Только в Лондоне XVIII в. существовал устойчивый криминальный язык, и лишь немногие современные специалисты могут его понять. По этой причине в английской версии шаламовские уголовники разговаривают,

как обычные люди, только с использованием нескольких хорошо известных жаргонных выражений. Интересно, что Шаламов за время пребывания на Колыме написал только одно прозаическое произведение: словарь блатных слов из 600 терминов, предназначенный для Подосенова, заключенного инженера, который заведовал химической лабораторией (см. рассказ «Галина Павловна Зыбалова» в следующем томе). Подосенова сбил проезжавший грузовик, и рукопись словаря была утеряна – в результате чего толкование тюремной лексики не стало проще, несмотря на распространение в России словарей криминального жаргона.

Я безмерно благодарен своей жене, Анне Пилкингтон, за прочтение первоначального варианта перевода и устранение ошибок, недочетов, упущений. Задача была для нее особенно трудной, учитывая, что ее отец, Дмитрий Витковский, как и Шаламов, полжизни провел в ГУЛАГе. Я также хочу поблагодарить Сьюзен Барба за ее тактичное и тщательное редактирование и Наталью Ефимову из Российского государственного архива литературы и искусства за сверку рукописей Шаламова, когда я (ошибочно) заподозрил опечатку в опубликованном тексте.

Несмотря на утверждение Варлама Шаламова в последнем пункте «Что я видел и понял в лагере», он прекрасно знал свой материал и писал так, чтобы каждый мог его понять.

*Перевод Сергея Кузнецова.
Под редакцией Л. Егоровой*

Источник

Rayfield, D. Introduction / Donald Rayfield // Shalamov, V. Kolyma Stories / Varlam Shalamov ; trans. and with an introd. by Donald Rayfield. V. 1. – New York : New York Review Books, 2018. – P. IX–XIX.

Donald Rayfield

INTRODUCTION

This issue presents for the first time in Russian Introduction by Donald Rayfield to the first volume of «Kolyma Stories» (2018).

«Kolyma Stories», Varlam Shalamov, translation, Donald Rayfield.

¹⁰ «...translating Shalamov is straightforward».